

Влияние американского изоляционизма на экономическое развитие России после кризиса 2008 года

Чжу Минян

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
zhumy000110@mail.ru*

Аннотация: статья посвящена анализу влияния современного американского изоляционизма на внешнеэкономическую стратегию России. Актуальность исследования обусловлена трансформацией внешнеполитического курса США после глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., когда Вашингтон перешёл от либерального интернационализма к избирательной модели глобального участия, сочетающей отказ от прямых военных обязательств с инструментализацией экономических институтов. Цель статьи – выявить механизмы воздействия американского изоляционизма на российскую экономику и показать, как санкционное давление привело к структурной перестройке финансовой системы, промышленности и энергетического экспорта России. Методологическую основу исследования составляют институциональный подход и метод кейс-анализа. В работе использованы официальные документы (стратегии национальной безопасности США, концепции внешней политики России), статистические данные центральных банков и международных организаций, а также отраслевая аналитика. В результате исследования установлено, что американский изоляционизм не означает равномерного сокращения глобального присутствия США, а представляет собой концентрацию ресурсов на сдерживании ключевых конкурентов, включая Россию. Санкции, блокировка доступа к финансовой инфраструктуре и технологические ограничения принудили Россию к форсированному созданию параллельных платёжных систем (СПФС, цифровой рубль), дедолларизации резервов, переориентации энергопотоков на Азию и развитию механизмов обхода санкций через ЕАЭС. Исследование показало, что американский изоляционизм, парадоксальным образом, ускоряет распад универсального институционального моноцентризма и способствует формированию конкурирующих систем глобального регулирования. Россия, оказавшись на острие этого процесса, становится одним из активных субъектов институционального проектирования, а её сотрудничество с БРИКС и глобальным Югом приобретает системное значение для будущего миропорядка.

Ключевые слова: американский изоляционизм, Россия, экономические санкции, дедолларизация, институциональная конкуренция, системный разрыв, глобальный Юг

Для цитирования: Минян Ч. Влияние американского изоляционизма на экономическое развитие России после кризиса 2008 года. *Проблемы постсоветского пространства.* 2026;13(1):77-91. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-77-91>

Поступила 19.12.2025

Принята в печать 10.01.2026

Опубликована 30.03.2026

The Influence of American Isolationism on the Economic Development of Russia after the 2008 crisis

Zhu Mingyang

Peoples ' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
zhumy000110@mail.ru

Abstract: the article analyzes the influence of contemporary American isolationism on Russia's foreign economic strategy. The relevance of the study is determined by the transformation of US foreign policy after the global financial crisis of 2008-2009, when Washington shifted from liberal internationalism to a selective model of global engagement that combines the rejection of direct military commitments with the instrumentalisation of economic institutions. The aim of the article is to identify the mechanisms through which American isolationism affects the Russian economy and to show how sanctions pressure has led to a structural restructuring of Russia's financial system, industry and energy exports. The methodological basis of the research includes the institutional approach and the case study method. The authors draw on official documents (U.S. national security strategies, Russian foreign policy concepts), statistical data from central banks and international organizations, as well as sector specific analytics. The study finds that American isolationism does not mean an even reduction of the US global presence, but rather a concentration of resources on containing key competitors, including Russia. Sanctions, denial of access to financial infrastructure and technological restrictions have forced Russia to accelerate the creation of parallel payment systems (SPFS, digital ruble), de dollarise its reserves, reorient energy flows towards Asia and develop sanctions-evasion mechanisms through the EAEU. The study showed that American isolationism, paradoxically, accelerates the disintegration of universal institutional monocentrism and contributes to the formation of competing systems of global governance. Russia, being at the forefront of this process, is becoming one of the active subjects of institutional design, and its cooperation with BRICS and the Global South is acquiring systemic importance for the future world order.

Keywords: American isolationism, Russia, economic sanctions, dedollarisation, institutional competition, systemic decoupling, Global South

For citation: Mingyang Zh. The Influence of American Isolationism on the Economic Development of Russia after the 2008 crisis. *Post-Soviet Issues*. 2026;13(1):77-91. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2026-13-1-77-91>

Received 19.12.2025

Revised 10.01.2026

Published 30.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

Экономический кризис 2008 года не только реконструировал карту мировой экономики, но и коренным образом подорвал основы однополярной гегемонии США в посткризисную эпоху. Это глубоко повлияло на внешнюю политику США, так как консервативные политики и эксперты стали призывать к сворачиванию зарубежных военных вложений, концентрации внимания на внутренних проблемах и придерживаться доктрины «Америка прежде всего» [1, с. 13]. В отличие от традиционного изоляционизма, современный американский изоляционизм не означает полного разрыва с внешним миром, а представляет собой избирательное участие в международных делах при одновременном усилении давления на основных конкурентов, таких как Китай и Россия, и экономически укоренён в экономическом национализме, опираясь на финансовую гегемонию для перекладывания издержек и обслуживания геополитических целей.

Для России, которая долгое время придерживалась курса на интеграцию с Западом и глобализацию, сдвиг во внешней политике Вашингтона стал самым серьёзным изменением внешней экономической среды со времён распада СССР. Продолжающееся усиление американского изоляционизма означает, что Россия вынуждена переосмыслить свой переход от интеграции в возглавляемую Западом глобальную экономическую систему

к развитию в девестернизированном или параллельном экономическом пространстве, что глубоко формирует её финансовую архитектуру, промышленную структуру и энергетический экспорт.

Существующие исследования фокусируются на исторических корнях и современных проявлениях американского изоляционизма [1; 2; 3], а также анализируют процесс и экономические последствия антироссийских санкций [4; 5]. Однако в академической среде всё ещё наблюдается недостаточность исследований американского изоляционизма как системной экономической стратегии, особенно недостаёт анализа того, как он влияет на экономическое развитие России с помощью международных институтов и механизмов глобального управления. В существующих работах редко рассматривается с институциональной точки зрения то, как американский изоляционизм переформатирует логику функционирования инструментов глобального управления, а также то, как это изменение подталкивает Россию к ускоренному сближению с механизмами сотрудничества «Глобального Юга», такими как БРИКС. Цель данной статьи – на фоне мирового экономического кризиса 2008 года проанализировать сущность современного американского изоляционизма, с особым акцентом на его передаточные пути и структурное влияние на экономическое развитие России, осуществляемые через экономическую

политику, финансовые санкции и институциональные инструменты.

В данном исследовании используется комбинированный метод кейс-стади и институционального анализа, комплексно применяются изучение литературы, анализ политических текстов и интерпретация статистических данных. Источники включают: «Стратегии национальной безопасности США» (2015, 2017, 2022, 2025 гг.), «Концепции внешней политики Российской Федерации» (2008, 2013, 2023 гг.), «Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» (2017 г.), статистические данные Банка России, открытые данные Министерства финансов и Министерства торговли США, международные медиа-сообщения, а также соответствующую академическую литературу.

СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ

Современный американский изоляционизм явился закономерным следствием политического развития США после неуспешной интервенционистской внешней политики Дж. Буша-мл. и финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Популистская волна усиливалась параллельно с нарастанием негативных социально-экономических последствий глобализации и иммиграции [2]. Финансовый кризис обнажил ограниченность ресурсов США для поддержания глобальной гегемонии и затрат на зарубежные интервенции, что привело к росту внутренних требований о стратегическом сворачивании. В этих условиях в американском

обществе постепенно сформировался консенсус о корректировке долгое время проводившейся после холодной войны экспансионистской стратегии либерального интернационализма, что породило современные изоляционистские настроения. В 2009 году исследовательский центр Pew сообщил, что «изоляционистские настроения в США достигли самого высокого уровня за последние 40 лет», и большинство граждан считают, что Америка должна «заниматься своими делами» и «работать на благо силы и процветания США»¹.

Возникновение изоляционистских настроений в США не только повлияло на внутривластную динамику, но и глубоко изменило разработку её внешнеполитической стратегии. Конкретно, характеристикой посткризисной американской стратегии является снижение прямых военных вложений в конфликты на «периферии» и перекладывание издержек на союзников. Выдвинутая администрацией Обамы стратегия «возвращения в Азию» основывалась на логике, что США не в состоянии и не намерены одновременно одержать победу в двух крупномасштабных региональных войнах; в сирийском химическом кризисе 2013 года администрация Обамы в конечном итоге приняла предложение России о замене военной операции на «химическое оружие в обмен на мир», что можно рассматривать как признак нежелания США вновь ввязываться в ближневосточную трясину. Трамп же прямо потребовал от европейских союзников увеличить расходы на оборону до более чем 2% от ВВП². Как отмечают такие учёные, как С.В. Старкин, сущность

¹ Pew Research Center, "America's Place in the World 2009", December 2009. URL: https://www.astrid-online.it/static/upload/protected/PEW/_PEW_America-s-place-in-the-World.pdf (дата обращения: 14.12.2025).

² Remarks by President Trump at NATO Unveiling of the Article 5 and Berlin Wall Memorials – Brussels, Belgium, May 25, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-nato-unveiling-article-5-berlin-wall-memorials-brussels-belgium/> (дата обращения: 14.12.2025).

современного американского изоляционизма заключается в рациональной реакции на дисбаланс издержек и выгод гегемонии, а его ключевые черты проявляются в трёх аспектах: во-первых, противодействие глобальным военным и экономическим обязательствам, не приносящим чёткой отдачи, и нацеленность на использование ресурсов для внутренних приоритетов; во-вторых, отказ от принятия международных обязательств, выходящих за пределы национальных безопасных границ, и рассмотрение многосторонних обязательств как «стратегических оков»; в-третьих, реструктуризация международных отношений через односторонний выход из международных договоров во избежание ограничения свободы действий государства институтами [3].

В экономической сфере современный американский изоляционизм по сути отрицает принцип свободной торговли, которого США придерживались более полувека, утверждая, что открытая многосторонняя торговая система привела к утечке американского производства, росту торгового дефицита и опустошению внутренней промышленности, поэтому он выступает за защиту внутренней промышленности и рынка с помощью тарифных барьеров, торговых санкций и односторонних торговых правил для репатриации американского производства и усиления экономического суверенитета [6]. Исходя из этой логики, США в экономической сфере придерживаются протекционизма и экономического национализма, усиливая защиту внутреннего рынка и внутренних производителей. Администрация Б. Обамы, хотя риторически и защищала свободную торговлю, одновременно

через «Американский закон о восстановлении и реинвестировании» предоставляла масштабные субсидии отечественной промышленности для стимулирования обратного производства. Трамп же в своей инаугурационной речи провозгласил: «С этого момента ‘Америка прежде всего’» – все решения, касающиеся торговли, налогов, иммиграции и дипломатии, должны приниматься с единственной целью – «приносить пользу американским рабочим и американским семьям»³, публично поддержав экономический национализм, выйдя из Транстихоокеанского партнёрства, блокируя назначение судей в апелляционный орган ВТО и вводя пошлины на основных торговых партнёров, пытаясь через двусторонние переговоры заставить их принять торговые условия, более выгодные для США.

Американский изоляционизм является базовым фоном всей его посткризисной внешней экономической политики, но это сворачивание не исключает заранее выборочного вмешательства в определённых областях или против конкретных противников. Даже в период правления Трампа с его ключевым лозунгом «Америка прежде всего» США не прекращали экономического давления на Россию. Эта политическая установка показывает, что посткризисный американский изоляционизм – это не пропорциональное сворачивание в отношении всех стран, а концентрация ограниченных ресурсов на объектах, воспринимаемых как основные угрозы. В трёх последовательных «Стратегиях национальной безопасности США» за 2015, 2017 и 2022 гг. Россия определяется как «агрессор, которого необходимо сдерживать», «ревизионистское

³ Remarks of president donald J. Trump – as prepared for delivery, January 20, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/> (дата обращения: 14.12.2025).

государство», «непосредственная и постоянная угроза»⁴. Поэтому в рамках логики стратегической фокусировки американского изоляционизма США усилили экономическое вмешательство в отношении России, и экономические санкции закономерно стали более дешёвой альтернативной политикой многостороннему сотрудничеству в условиях нежелания США платить больше издержек за глобальное управление. Вернувшись в Белый дом в 2025 году, Д. Трамп рассматривает российский вопрос как геополитическую проблему, с которой Европа должна справляться сама, считая, что быстрое прекращение украинского кризиса и восстановление стратегической стабильности с Россией является ядром интересов США⁵. С российской точки зрения, интериоризация внешней стратегии и перекладывание издержек при трамповском изоляционизме косвенно переформатируют внешнюю экономическую среду России. Политика требования к союзникам брать на себя больше оборонных расходов, наоборот, усилила психологический страх Европы перед российской угрозой, тем самым ускорив разрыв экономических связей между Россией и ЕС.

Анализ влияния американского экономического изоляционизма на Россию требует не только учёта таких показателей, как объём торговли, количество санкций или потери ВВП, но и глубокого анализа его институциональных последствий, то есть того, как действия США изменили базовую логику функционирования

международных институтов и как это изменение переформатировало отношения других стран со сложившейся институциональной системой.

Ключ к сохранению американской гегемонии после холодной войны заключался в создании и доминировании над глобальной многосторонней институциональной системой, предоставляющей странам предсказуемые институциональные общественные блага [7]. Система долларовых расчётов обеспечивает ликвидность мировой торговли, МВФ и Всемирный банк предоставляют кризисные кредиты – все эти институты вместе создали стабильную международную институциональную защиту. Однако после экономического кризиса 2008 года, особенно после крымского кризиса 2014 года, американский изоляционизм вооружил такие изначально глобальные общественные блага, как долларовая система и торговые правила, для обслуживания геополитических интересов. Эта вооружённая взаимозависимость доказывает, что государство-гегемон может при определённых обстоятельствах превратить эту взаимозависимость в инструмент давления на конкретные страны [8, с. 130].

Для России этот институциональный разрыв доверия имеет решающие когнитивные последствия. До 2008 года, несмотря на недовольство России западным порядком, её базовая стратегия заключалась в том, чтобы добиться более выгодного положения в рамках этого порядка. В условиях же вооружения США

⁴ National Security Strategy of the Unites States of America, February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf ; National Security Strategy of the Unites States of America, December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> ; National Security Strategy of the Unites States of America, October 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).

⁵ National Security Strategy of the Unites States of America, November 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).

институциональными преимуществами такие меры, как поиск дедолларизации, продвижение альтернативной платёжной системы БРИКС и создание региональных торговых правил через Евразийский экономический союз, стали для России неизбежными альтернативными институциональными поисками.

ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЕЙ США

Накануне финансового кризиса 2008 года российское правительство по-прежнему полагало, что процесс глобализации необратим и что Россия может найти выгодное положение в многополярной западной системе. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2008 года подчёркивался «огромный потенциал для взаимовыгодного двустороннего торгово-экономического, научно-технического и иного сотрудничества» между Россией и США, а США определялись как «стратегический партнёр», ради чего можно перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого⁶. «Концепция внешней политики Российской Федерации» 2013 года в целом сохраняла эту формулировку, однако в ней уже не использовалось выражение «стратегическое партнёрство», а к экономическому сотрудничеству двух стран были добавлены ограничения «недискриминационного» и «на постоянной основе», что предварительно закладывало критику американского поведения и акцент на защите собственных интересов⁷.

После событий в Крыму 2014 года экономические санкции, введённые США

и их союзниками против России, привели к изменению отношения России к США. К февралю 2025 года на Россию было наложено более 16 000 различных ограничений, что делает её наиболее подсанкционной страной в мировой истории. Масштабность и системность введенных ограничений охватывают финансовый сектор, технологическую сферу, энергетический комплекс и логистические цепочки [4, с. 2]. Это заставило российские элиты осознать, что правила экономической глобализации могут быть вооружены Западом, и поэтому только обладание экономическим суверенитетом в финансовой и критически важной инфраструктурной сферах может гарантировать политическую независимость и безопасность страны. В «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» было чётко введено понятие «экономический суверенитет» как объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств. В стратегии также указывалось, что развитые страны используют свои преимущества, превращая экономику и высокие технологии в инструменты глобальной конкуренции, применяя дискриминационные меры против ключевых секторов российской экономики и ограничивая доступ к иностранным финансовым средствам и технологической поддержке⁸. «Концепция внешней политики Российской Федерации» 2023 года пошла дальше, поставив задачу снижения

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации, 15 июля 2008 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 30.11.2025).

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, 18 февраля 2013 года. URL: <https://ir.rudn.ru/books/b2/31.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).

⁸ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, 13 мая 2017 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090?ysclid=molz21kc4o990409005> (дата обращения: 30.11.2025).

зависимости экономики России от недружественных государств с их переориентацией на государства, проводящие конструктивную и нейтральную политику в отношении Российской Федерации⁹. На этом этапе российское правительство пришло к выводу, что возглавляемый США экономический порядок больше не является устоявшейся рамкой, в которую можно стремиться интегрироваться, а стал внешним фактором, который необходимо системно замещать.

ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

В условиях нового американского изоляционизма и санкций экономическое развитие России столкнулось с всесторонними угрозами. После событий в Крыму 2014 года США ввели против России институционализированные экономические санкции. В отличие от временных санкций, которые ранее служили лишь вспомогательным инструментом дипломатических переговоров, данный раунд антироссийских санкций продемонстрировал три новые характеристики. Юридическая фиксация заключается в том, что принятый в 2017 году закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» частично изъял у президента полномочия по снятию санкций с России, что сделало их практически бессрочными. Расширение сферы означает, что санкции распространились с первоначального замораживания активов конкретных лиц на финансовый, энергетический и высокотехнологичный

секторы. Нормализация вторичных санкций проявляется в привлечении к ответственности компаний и граждан третьих стран, совершающих сделки с подсанкционными российскими организациями, что приводит к глобализации санкционной сети.

США и их союзники заморозили большую часть золотовалютных резервов Банка России и отключили ряд российских банков от системы SWIFT, что стало наиболее прямой внешней угрозой для России. Кроме того, США угрожают вторичными санкциями организациям, проводящим финансовые операции с Россией; под влиянием этого три крупнейших китайских банка (ICBC, CCB и BOC) были вынуждены приостановить платежи из подсанкционных российских кредитных организаций¹⁰. Для ограничения доступа России на международные финансовые рынки к началу 2026 года под санкции попало 68 банков¹¹. Постоянно ужесточающиеся санкции вынудили Россию провести самую глубокую реструктуризацию финансовой системы со времён распада СССР.

Для повышения финансовой безопасности российское правительство проводит политику дедолларизации, значительно сокращая вложения в американские госбумаги и увеличивая диверсифицированные золотовалютные резервы, включая юань. Эти меры направлены на повышение автономии и устойчивости финансовой системы. Согласно последним опубликованным данным Банка России за 2021 год, доллар был вытеснен евро и юанем, составив

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации, 31 марта 2023 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090/page/5> (дата обращения: 30.11.2025).

¹⁰ Три крупнейших китайских банка перестали принимать платежи из России, 21 февраля 2024. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/02/2024/65d554ea9a794755d27d8fe4?ysclid=mow2a18nq1526863196> (дата обращения: 23.11.2025).

¹¹ Какие банки находятся под санкциями в 2026 году: полный список, 14 января 2026. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10965728&ysclid=mow2u94iuk306821015> (дата обращения: 23.11.2025).

лишь 10,9% российских валютных резервов, что почти вдвое меньше по сравнению с 21,2% годом ранее¹². По данным Министерства финансов США, в сентябре 2025 года объём вложений России в американские государственные облигации составлял всего 31 миллион долларов, тогда как 10 лет назад этот показатель составлял 170 миллиардов долларов¹³, после заморозки Западом около 300 миллиардов долларов активов Банка России в 2022 году этот процесс дедолларизации оказался дальновидным. Одновременно Россия значительно увеличила долю золота и незападных валют, таких как юань, к марту 2026 года доля золота в общем объёме российских резервов достигла 47,45%¹⁴.

Россия ускорила внедрение расчётов в национальных валютах и создание независимой платёжной системы и финансовой инфраструктуры. С 2019 года страны Евразийского экономического союза начали расчёты в национальных валютах на базе Евразийского банка развития. Доля недружественных валют во внешней торговле России значительно снизилась; к концу 2023 года доля расчётов в рублях и юанях стабильно превышала две трети [5, с. 487]. Ещё после первых финансовых санкций США в 2014 году Россия приступила к созданию национальной платёжной системы «МИР» и Системы передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС) для защиты

от возможного отключения от долларовой системы, к 2025 году к СПФС подключились участники из 24 стран¹⁵. Россия также продвигает цифровой рубль (ЦВЦБ) – эту независимую от западной финансовой инфраструктуры платформу, которая помогает обходить механизмы мониторинга и исполнения санкций, уменьшая негативное воздействие финансовых ограничений [5, с. 489–490]. Россия активно способствует процессу дедолларизации в рамках БРИКС, смещая фокус обсуждения с введения единой валюты на создание более осуществимой единой платёжной системы [9, с. 57].

Американские санкции против российской промышленности характеризуются юридической фиксацией, расширением сферы и нормализацией вторичных санкций, и их основной ударной целью является разрыв сложившейся модели экономического развития России, основанной на обмене энергетического экспорта на импорт технологий. В 2022 году Бюро промышленности и безопасности Министерства торговли США (BIS) расширило список контролируемых товаров в отношении России, ограничив экспорт продукции в сферах электроники, связи, авиационного оборудования и включив ряд российских энергетических, судовых, технологических и оборонных компаний в «список сущностей»¹⁶. Этот удар точно поразил ключевые уязвимости

¹² Годовой отчет 2021 года Банка России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf (дата обращения: 23.11.2025).

¹³ «По нулям». Россия скинула госдолг США, 25 ноября 2025. URL: <https://ria.ru/20251125/gosdolg-2057230807.html?ysclid=mow59rg288338283685> (дата обращения: 29.11.2025).

¹⁴ Международные резервы Российской Федерации: Ежемесячные значения на начало отчетной даты. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_n/ (дата обращения: 23.11.2025).

¹⁵ К Системе передачи финансовых сообщений ЦБ подключены участники из 24 стран, 02 апреля 2025. URL: <https://ria.ru/20251125/gosdolg-2057230807.html?ysclid=mow59rg288338283685> (дата обращения: 23.11.2025).

¹⁶ Implementation of Sanctions Against Russia Under the Export Administration Regulations (EAR), 03.03.2022. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2022/03/03/2022-04300/implementation-of-sanctions-against-russia-under-the-export-administration-regulations-ear> (дата обращения: 03.11.2025).

цепочек поставок российских высоких технологий. Ещё более разрушительным является то, что нормализация вторичных санкций подвергает риску дружественные страны, не присоединившиеся к санкциям, при экспорте критически важной продукции в Россию, что ещё больше сжимает возможности России по получению технологий и промышленных товаров [10]. К первой половине 2024 года 494 компании из 57 стран подверглись вторичным санкциям США за связи с Россией, главным образом за поставки электронной и промышленной продукции, а также за содействие уклонению стран, уже находящихся под санкциями; большинство из этих компаний находятся в «дружественных» странах, не вводивших ограничения против Москвы¹⁷. Военно-промышленный комплекс, благодаря существующим технологическим заделам и госзаказу, смог сохранить и даже нарастить производственные мощности в условиях санкций, тогда как гражданское производство столкнулось с серьёзными вызовами. Автомобильная промышленность из-за ухода иностранного капитала и прекращения поставок комплектующих резко сократила производство: в 2022 году оно упало более чем на 61% по сравнению с 2021 годом, что ниже даже уровня кризисного 2009 года; это не просто циклический спад, а самый серьёзный структурный разрыв за 30 лет интеграции в глобальные производственные цепочки, вынудивший Россию к перезапуску параллельного импорта [11, с. 230–233]. Для обхода торговых санкций Россия использует региональные интеграционные

механизмы ЕАЭС, импортируя товары, включая продукцию двойного назначения, из стран Центральной Азии для восполнения дефицита внутреннего производства. В 2022 году экспорт смартфонов из Казахстана в Россию увеличился в 2000 раз, а экспорт автомобилей из Армении в Россию – в 225 раз. В 2021–2023 годах внешнеторговый оборот России снизился на 10,2%, но взаимный товарооборот России с Казахстаном вырос на 48%, а с Арменией – более чем в 4,2 раза¹⁸. В этих условиях Россия вынуждена формировать уникальную модель развития, основанную на государственной мобилизации с сохранением рыночных механизмов: государство напрямую вмешивается в экономику через бюджетные ассигнования, госзаказы, юридические изъятия, одновременно позволяя компаниям находить альтернативных поставщиков и рынки сбыта через рыночные каналы [4, с. 2]. При этом система российской экономической дипломатии быстро перестраивается под давлением санкций; государственные корпорации становятся ключевым инструментом реализации экономической дипломатии России для максимальной защиты промышленного развития [12].

В вопросе энергетического экспорта США совместно с Европой, используя доминирующее положение долларовой системы расчётов и услуг морского страхования, ввели нефтяное эмбарго и механизм потолка цен на российскую нефть, насильственно переформируя глобальные потоки энерготорговли. Этот нетрадиционный гегемонистский метод США в энергетической сфере вынуждает

¹⁷ С 2022 года почти 500 фирм коснулись вторичные санкции США за связи с Россией, 26 июля 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/26/1052165-s-2022-goda-pochti-500-firm-kosnulis-vtorichnie-sanktsii-ssha> (дата обращения: 03.11.2025).

¹⁸ Иноземцев В. Санкции и Евразийский Союз, 22 января 2025. URL: <https://ridl.io/ru/sanktsii-i-evrazijskij-soyuz/> (дата обращения: 03.11.2025).

компания «добровольно» прекращать деловые отношения с Россией, нанося ущерб российскому энергетическому экспорту с минимальными издержками. С начала украинского конфликта в 2022 году объёмы и цены на российский газ снизились, а экспорт газа в Европу сократился вдвое, что напрямую подорвало основу нефтегазовых доходов государственного бюджета [13]. Вашингтон не намерен полностью вытеснить российскую энергетику с рынка, так как это вызвало бы собственную инфляцию; его политическая цель – сжатие прибыли России. Однако эти «оставляющие лазейку» санкции возымели обратный эффект, ускорив полную девестернизацию российского энергетического экспорта. Россия приняла «Энергетическую стратегию Российской Федерации на период до 2050 года», согласно которой к 2030 году пропускная способность газопроводов для экспорта на Дальний Восток и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона должна быть увеличена до 98 млрд кубометров, а экспорт угля переориентирован на рынки АТР, Ближнего Востока и Африки¹⁹. По словам вице-премьера Александра Новака, к концу 2025 года российский экспорт нефти составил 238 млн тонн, из которых около 80% было направлено в дружественные страны, такие как Китай и Индия, а поставки в Европу составили лишь 25 млн тонн²⁰.

Однако эта трансформация сталкивается со структурными вызовами. Переговоры по газопроводу в Азию – «Сила Сибири-2» – из-за ценовых разногласий долгое время не приводили к результату, а существующих мощностей трубопроводов далеко

недостаточно для поглощения избыточных мощностей по экспорту газа, ориентированных ранее на Европу. Одновременно эмбарго Запада на критически важные технологии и оборудование для сжиженного природного газа отсрочило запуск таких проектов, как «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», обнажив уязвимость России в высокотехнологичном энергетическом производстве [14, с. 4737]. Переориентация экспорта энергоносителей привела к частичной потере Россией ценового влияния: азиатские покупатели обладают большим выбором на спотовом рынке, а угроза вторичных санкций повышает скрытые издержки международной торговли, вынуждая Россию сохранять долю рынка за счёт больших скидок и более сложных логистических посредников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что современный американский изоляционизм, возникший как реакция на финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и провалы интервенционистской политики, не означает ухода США с мировой арены, а представляет собой избирательную модель глобального участия. Её ключевыми чертами выступают отказ от прямых военных обязательств при сохранении экономического и технологического доминирования, использование доллара и финансовой инфраструктуры в качестве оружия, а также односторонний пересмотр многосторонних правил. Для России этот феномен имел двойной эффект, сконцентрированный в двух взаимосвязанных областях.

¹⁹ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года, 12 апреля 2025. URL: <http://static.government.ru/media/files/LWYfSENa10uBrrBoyLQqAAOj5eJYIA60.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁰ Россия в 2025 году экспортировала 238 млн тонн нефти, 27 февраля 2026. URL: <https://tass.ru/ekonomika/26576377> (дата обращения: 10.11.2025).

В экономической сфере изоляционистская политика США, реализованная через массированные санкции, блокировку доступа к западным технологиям и финансовым рынкам, принудила Россию к форсированному разрыву с прежней моделью интеграции в глобальные цепочки поставок. Во внешнеполитической сфере аналогичное давление привело к окончательному отказу от стратегии «встраивания» в порядок, управляемый Вашингтоном, и к формированию самостоятельной внешнеэкономической повестки, ориентированной на незападные центры силы.

С теоретической точки зрения, практика США по инструментализации механизмов глобального управления подрывает один из фундаментальных принципов международных отношений, а именно предсказуемость и беспристрастность институциональной среды. Такие механизмы, как Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд и международные платёжные системы, которые раньше обычно рассматривались как международные общественные блага, на которые можно положиться, в контексте возрождения американского изоляционизма превращаются в оружие избирательного поражения. Это изменение не только усиливает фрагментацию мировой экономической системы, но и ведёт к ускоренному созданию альтернативных систем регулирования. Россия в данном процессе выступает не изолированным случаем; она демонстрирует, как крупная держава вынуждена создавать параллельные институты, включая Систему передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС), механизмы расчётов в национальных валютах, а также альтернативные логистические и торговые каналы. Это означает, что если тенденция американского

изоляционизма будет углубляться и дальше, результатом станет не обязательно дальнейшая маргинализация России, а, напротив, может ускориться формирование параллельных институтов глобального управления, что окажет продолжительное воздействие на существующую структуру мировой экономики.

Данное изменение приобретает особую важность в контексте нынешней эволюции международной системы к многополярности. Страны БРИКС и более широкие силы «Глобального Юга» становятся важными субъектами, способствующими реконструкции международного порядка. Ответ России на изоляционистское давление представляет собой не просто пассивную адаптацию, а проявляется как системный стратегический разворот, а именно постепенный переход на незападные рынки, финансовые механизмы и сети технологического сотрудничества. В последние годы Россия последовательно продолжает дедолларизацию резервов, повышает долю рубля и юаня в трансграничных расчётах, усиливает сопряжение с китайской трансграничной межбанковской платёжной системой (CIPS) и активно продвигает создание платёжного механизма БРИКС. Одновременно её энергетический экспорт также ускоряет переориентацию на Китай, Индию и другие азиатские рынки. Более того, сама логика «Америка прежде всего» объективно подталкивает другие страны БРИКС к укреплению институциональной автономии. Таким образом, американский изоляционизм не только не укрепляет его прежние однополярные преимущества, но в определённой степени способствует эволюции БРИКС из рыхлой координационной платформы в центр международного сотрудничества с институциональными свойствами.

Для самой России последствия изоляционистской политики США носят ярко выраженный двойственный характер. С одной стороны, обрабатывающая промышленность понесла ущерб из-за разрыва технологических и капитальных цепочек, и Россия вынуждена полагаться на параллельный импорт и государственную промышленную политику для поддержания функционирования. С другой стороны, внешнее давление объективно стимулировало процесс суверенизации финансовой системы России. Одновременно структура российского энергетического экспорта постепенно переориентируется с европейского рынка на азиатско-тихоокеанское направление, а с помощью таких региональных механизмов, как Евразийский экономический союз, формируется новое институциональное буферное пространство. Следует отметить, что эта корректировка носит не краткосрочный адаптационный характер, а представляет собой долгосрочную структурную трансформацию. Будущая модель развития России будет всё меньше зависеть от западного капитала и технологических систем и всё больше основываться на сотрудничестве в рамках БРИКС, Шанхайской

организации сотрудничества и с другими незападными центрами силы.

Следовательно, современный американский изоляционизм по своей сути является стратегическим сворачиванием на фоне обострения внутренних социально-экономических противоречий в США и относительного снижения их глобальных лидерских способностей, однако этот процесс объективно ускоряет размягчение однополярной институциональной системы и реструктуризацию глобального управления. По мере усиления конкуренции между различными механизмами управления и институциональными сетями будущей международной системы, вероятно, будет строиться уже не на единых универсальных правилах, а в большей степени будет проявляться как институциональная координация и стратегическое соперничество между разными группами государств. Россия находится на переднем крае этого трансформационного процесса, выступая не только пассивным адаптантом к новой международной среде, но и постепенно становясь важным участником формирования параллельных международных институтов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хань Чжаоин, Юе Фэн. Анализ тенденций нового американского изоляционизма после финансового кризиса. *Китайский научный журнал по американским исследованиям*. 2017;5:9-31.
2. Соколышник Л.М. Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом. *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020;13(4):278-291. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-13.
3. Старкин С.В., Приписнова Е.С., Гнездова Е.В. Изоляционизм в современной внешнеполитической мысли США: коалиция Куинси. *Via in tempore. История. Политология*. 2023;50(2):515-525.
4. Аничкина О.А. Обеспечение национальной экономической безопасности в условиях внешних угроз и санкций:

теоретико-методологические основы и практические механизмы реализации в современной России. *Вестник евразийской науки*. 2025;4:1-18.

5. Василевский И.М. Переход России к расчетам в национальных валютах в контексте изменений в мировой валютно-финансовой системе. *Экономика и управление*. 2024;30(4):484-491. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-4-484-49>
6. Пеньковцев Р.В., Шибанова Н.А., Р.Н. Чанышев. Усиление разногласий между США и европейскими странами в период первого президентства Дональда Трампа. *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2025;167(5-6):102-114. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.102-114>
7. Богданов А.Н. Гегемония США и проблема легитимации доминирования в международной политике: к переосмыслению западных концепций. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022;3:47-68.
8. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д., Малыгин В.Е. Трампономика как апофеоз экономического и технологического национализма. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2025;6:127-146.
9. Гусев К.Н. БРИКС: от идеи единой валюты к системе расчетов и обратно. *Современная Европа*. 2025;3(131):56-66.
10. Новикова Е. С. Влияние санкционной политики на трансформацию торгового взаимодействия стран в рамках мировой экономики. *Международная торговля и торговая политика*. 2022;4:140-155.
11. Закревская Я.А. Мировая и российская автомобильная промышленность: период адаптации. *Образование и право*. 2023;12:228-237.
12. Зайцев М.Р. Ключевые направления трансформации системы экономической дипломатии Российской Федерации после 24 февраля 2022 г. *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2025;17(4):217-243. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2025-17-4-217-243>
13. Хаджи А.С. Эволюция внешнеполитического аспекта в энергетической стратегии Российской Федерации. *Международные отношения*. 2024;4:142-155.
14. Пыхов П.А. Оценка влияния санкций на энергетическую безопасность России. *Креативная экономика*. 2022;16(12): 4731-4746. DOI: 10.18334/ce.16.12.116997

REFERENCES

1. Han Zhaoying, Yue Feng. An Analysis of the Trend of New American Isolationism after the Financial Crisis. *Chinese Journal of American Studies*. 2017;5:9 31 (In Chinese).
2. Sokolshchik L.M. American Conservatism and the Challenges to US Foreign Policy in the 21st Century: Between Interventionism and Isolationism. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2020;13(4):278-291. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-13 (In Russ.).
3. Starkin S.V., Pripisnova E.S., Gnezdova E.V. Isolationism in Contemporary US Foreign Policy Thought: the Quincy Coalition. *Via in tempore. History. Political Science*. 2023;50(2):515 525 (In Russ.).
4. Anichkina O.A. Ensuring National Economic Security under External Threats and Sanctions: Theoretical and Methodological Foundations and Practical Implementation Mechanisms in Contemporary Russia. *Bulletin of Eurasian Science*. 2025;4:1 18 (In Russ.).
5. Vasilevsky I.M. Russia's Transition to Settlements in National Currencies in the Context of Changes in the Global Monetary and Financial System. *Economics and*

- Management. 2024;30(4):484–491. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-4-484-49> (In Russ.).
6. Penkovtsev R.V., Shibanova N.A., Chanyshiev R.N. Growing Disagreements between the United States and European Countries during Donald Trump's First Presidency. *Uchenye Zapiski of Kazan University. Humanities Series*. 2025;167(5 6):102–114. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.102-114> (In Russ.).
 7. Bogdanov A.N. US Hegemony and the Problem of Legitimising Dominance in International Politics: Rethinking Western Concepts. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2022;3:47–68 (In Russ.).
 8. Smorodinskaya N.V., Katukov D.D., Malygin V.E. Trumpism emerged as the Apotheosis of Economic and Technological Nationalism. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2025;6:127–146 (In Russ.).
 9. Gusev K.N. BRICS: From the Idea of a Single Currency to a Payment System and Back. *Contemporary Europe*. 2025;3(131):56–66 (In Russ.).
 10. Novikova A.S. The Impact of Sanctions Policy on the Transformation of Trade Interaction between Countries in the World Economy. *International Trade and Trade Policy*. 2022;4:140–155 (In Russ.).
 11. Zakrevskaya Yes.A. Global and Russian Automotive Industry: A Period of Adaptation. *Education and Law*. 2023;12:228–237 (In Russ.).
 12. Zaitsev M.R. Key Directions of the Transformation of the Economic Diplomacy System of the Russian Federation after 24 February 2022. *Moscow University Bulletin. Series XXV. International Relations and World Politics*. 2025;17(4):217–243. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2025-17-4-217-243> (In Russ.).
 13. Khadzhi A.S. Evolution of the Foreign Policy Aspect in the Energy Strategy of the Russian Federation. *International Relations*. 2024;4:142–155 (In Russ.).
 14. Pykhov P.A. Assessment of the Impact of Sanctions on Russia's Energy Security. *Creative Economy*. 2022;16(12):4731–4746. DOI: 10.18334 / ce.16.12.116997 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чжу Минян

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
zhumy000110@mail.ru

Zhu Mingyang

Peoples ' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
zhumy000110@mail.ru